

ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА И ЕЕ СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

СЕРГЕЙ АРУТЮНОВ В БЕСЕДЕ
С АЛЕКСАНДРОМ ФОРМОЗОВЫМ

*Alexander Formozov. Адрес для переписки: 10115, Germany, Berlin, Borsigstr, 5.
formosov@yandex.ru. formozoa@cms.hu-berlin.de*

Сергей Александрович Арутюнов (р. 1932 в Тбилиси) — профессор, член-корреспондент Российской академии наук. В 1957 году Арутюнов стал научным сотрудником Института этнологии и антропологии РАН в Москве. С 1985 года работает в должности заведующего отделом народов Кавказа, несмотря на то что и кандидатская, и докторская диссертации защищены по японской культуре. Как заведующий отделом Кавказа уже на протяжении более чем 30 лет Сергей Арутюнов руководит научными региональными проектами, диссертациями и является участником этнографических экспедиций в Закавказье. Под его редакцией в числе прочих вышли сборники: *Культура жизнеобеспечения и этнос* (Ереван, 1983, совместно с Эдуардом Маркаряном) и *Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство* (М., 1994, в соавторстве с Малхазом Абдушлишвили и Борисом Калоевым). Список основных публикаций доступен на сайте, посвященном Арутюнову — <http://www.gusaba.ru>.

Интервью провел Александр Формозов 8 января 2008 года в Москве в ходе составления библиографии советской этнографии Кавказа в послевоенный период в рамках научного проекта «Политика идентичностей в Южном Кавказе. Национальные репрезентации, постсоветское общество и публичное пространство». Проект осуществляется в Институте европейской этнологии университета им. Гумбольдта (Берлин). Концепция интервью — Цыпылмы Дариевой и Александра Формозова, редактор текста и автор примечаний — Виктор Воронков.

Александр Формозов: Существует ли сводная библиография по кавказоведению и, в частности, по этнографическим работам о Кавказе?

Сергей Арутюнов: В советское время библиографии таких работ публиковались на Северном Кавказе. Они мало где учтены, потому что каждая из них ограничивается одним регионом — например, Дагестаном. Что же касается Грузии, Азербайджана и Армении, то тут надо учитывать, что примерно три четверти из них публиковались на местных языках. В Армении они точно есть. В Грузии тоже долж-

ны быть — даже довольно много, потому что, когда ученые умирали, к их некрологам, как правило, прилагались библиографии. У некоторых выдающихся ученых они выходили еще при жизни, а у других посмертно. И в Армении, например, труды этих ученых публиковались в основном на армянском языке. Общего перечня работ, скорее всего, не существует, но по отдельным ученым библиографии там даже лучше делаются, чем в России. Потому что русская наука большая, ученых много, составить библиографию успевают только по наиболее выдающимся из них. А там, если ученый был более или менее солидный, то уж посмертно сделают в любом случае.

Библиографии кавказских ученых надо искать там, в Закавказье. Я сомневаюсь даже, чтобы они поступали в российские библиотеки, потому что книгообмен и вообще комплектация у нас в России, пожалуй, самое слабое звено в гуманитарных науках. Гуманитарным наукам, в общем-то, кроме литературы ничего и не нужно, и они находятся сейчас в довольно затруднительном положении. Люди, конечно, как умеют, восполняют недостаток информации, но гораздо легче проследить за тем, что делается в Америке или Франции, чем за тем, что происходит в Грузии. За Арменией еще можно более или менее уследить, по крайней мере в нашей области — этнографии, культурной антропологии. У нашего отдела налажены довольно приличные отношения с Институтом антропологии и этнографии, в меньшей степени — с Ереванским университетом. Я туда езжу каждый год. Сотрудница моего отдела Алла Ервандовна Тер-Саркисянц¹ тоже регулярно туда ездит. В Грузии бывает и Любовь Тимофеевна Соловьева², которая владеет грузинским языком и следит за грузинской литературой. Про Азербайджан же мы знаем не больше, чем про Марс. В Абхазии не так уж и много всего происходит, но опять же Юрий Дмитриевич Анчабадзе³, сотрудник моего отдела, постоянно там бывает. А в Грузии происходит много, но мы об этом очень обрывочно знаем и не очень себе представляем даже, каково на данный момент положение — статусное, финансовое, социальное и политическое — большинства наших коллег, с которыми у нас раньше были хорошие долговременные контакты. В Грузии гораздо более, чем в Армении, «турбулентная» атмосфера, всякого рода новшества, которые стабильности науки на пользу не идут.

А.Ф.: Когда я занимался составлением библиографии примерно за последние 50 лет и подробно читал «Советскую этнографию»⁴, стало понятно, что сначала

-
- 1 Алла Ервандовна Тер-Саркисянц — ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, доктор исторических наук.
 - 2 Любовь Тимофеевна Соловьева — старший научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, ответственный секретарь журнала «Этнографическое обозрение», кандидат исторических наук.
 - 3 Юрий Дмитриевич Анчабадзе (р. 1953) — ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, кандидат исторических наук.
 - 4 «Советская этнография» — академический журнал, основан в 1926 году. Сначала выходил под названием «Этнография», с 1930 по 1991 годы — «Советская этнография», с 1991 года — под названием «Этнографическое обозрение».

ла статей по Кавказу было совсем немного, особенно мало по Закавказью. Но ситуация как-то менялась, появлялись новые темы, возрастали интерес и активность, при этом возникало впечатление, что это лишь волны на поверхности, и мне не совсем понятно, какие процессы протекали в самой науке.

С.А.: Когда я пришел в институт в 1954 году, уже существовал отдел Кавказа. И хотя сейчас я им и заведу, но затрудняюсь сказать точно, в каком году он был учрежден⁵. Заведовал им вначале Марк Осипович Косвен⁶, потом Леонид Иванович Лавров⁷, потом Валентин Константинович Гарданов⁸ и после Гарданова с 1985 года — я.

Сейчас по штату восемь человек, включая меня, и эти восемь человек проводят исследования. Впрочем, что пишу я, это не исследования, это всякого рода этнополитические эссе, выступления и так далее. Последнее, да и, пожалуй, единственное мое крупное исследование по Кавказу — «Культура жизнеобеспечения» (Арутюнов и Маркарян 1983). Это довольно серьезная книга, основанная на полевых исследованиях, но после этого полевой работы на Кавказе я практически не проводил — с того времени, как начал заведовать отделом.

Есть Алла Тер-Саркисянц с ее армянской проблематикой, Юрий Анчабадзе, который занимается Северным Кавказом, адыгскими народами и абхазами, но никак не может закончить свою докторскую диссертацию по адыгам. Любовь Соловьева занята главным образом редакторской работой в журнале, хотя следит за тем, что происходит в Грузии, и иногда немножко пишет. Наталья Пчелинцева⁹, которая вообще-то начинала изучать Азербайджан и диссертацию защитила по воспитанию детей в Азербайджане, не имеет там связей. Иногда кто-нибудь из Азербайджана приезжает, садимся, выпиваем по рюмке, беседуем: «да-да», «ах как», «будем держать контакт», но коллеги уезжают, и ничего от них не слышно. Иногда какую-нибудь бумагу о сотрудничестве пришлют, и мы подписываем, что готовы сотрудничать. А только никакого сотрудничества от этого не происходит, и я не очень себе представляю, делается ли там вообще хоть что-нибудь. В нашем институте в советское время был отдел Кавказа, но он занимался народами Северного Кавказа, и эта ситуация сохраняется. Другие сотрудники: Зарифа Цаллагова¹⁰

5 Отдел (сектор) Кавказа был создан в декабре 1942 года.

6 Марк Осипович Косвен (1885–1967) — этнограф, историк первобытного общества, кавказовед, доктор исторических наук. Возглавлял сектор этнографии народов Кавказа с 1943 по 1957 годы.

7 Леонид Иванович Лавров (1909–1982). Этнограф-кавказовед. Заведующий сектором этнографии народов Кавказа с 1957 по 1961 годы, доктор исторических наук.

8 Валентин Константинович Гарданов (1908–1989). Возглавлял сектор этнографии народов Кавказа с 1961 по 1985 годы, доктор исторических наук.

9 Наталья Дмитриевна Пчелинцева — научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, кандидат исторических наук.

10 Зарифа Борисовна Цаллагова (р. 1954) — ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, доктор исторических наук.

и Абдулгамид Булатов¹¹ занимаются соответственно Осетией и Дагестаном. Ирина Бабич¹² — больше адыгами. Все равно это не Закавказье, а Северный Кавказ. Связи здесь слабые, но есть. При этом там люди относительно пожилые, они что-то пишут в те сборники трудов, которые мы издаем. В Кабардино-Балкарии директором института стал Барасби Хачимович Бгажноков¹³, очень крупный ученый. Не знаю, насколько он будет хорошим администратором. Мне кажется, что администрирование — это не его стихия.

В Осетии издается «Энциклопедия осетинской культуры»¹⁴ и много что еще. Вы атлас Цуциева видели (Цуциев 2006)¹⁵? Он выдержал несколько изданий, и каждый раз очередной тираж расхватывали, как горячие пончики. Потому что тираж не очень большой, а спрос на такого рода издание, конечно, очень большой. У нас еще недостаточно отлажен в книгоиздательском деле рыночный механизм. Издателей много, но они публикуют всякую дребедень, которая, в общем-то, тоже расходуется. Это похоже на магазин, где предпочитают торговать пивом и квасом, а марочные выдержанные вина в нем найти не так-то просто, потому что на них определенный контингент покупателей, это сложнее — нужен маркетинг. То же самое относится и к печатной продукции. Не всегда понимает издатель, что на этой книге он сможет заработать. Потому что инвестировать в такое издание надо много, и не очень много охотников этим делом заниматься. А этот атлас охватывает не только Северный Кавказ, но и Закавказье. Даже трудно поверить, что один человек за год или полтора смог осуществить такой труд. Атласов сейчас выходит до фига, но чем дальше, тем халтурнее их делают. Они превратились в роскошные подарочные издания. [С.А. показывает богато иллюстрированный, очень объемный и тяжелый атлас по культуре Сибири, где, однако, в изложении и подписях к иллюстрациям допущено множество грубых фактических ошибок].

А здесь все очень солидно, выверено, Цуциев молодец. Но за пределами России даже некоторым из тех, кто следит за литературой, атлас остался неизвестным, хотя автор представлял его макет еще несколько лет назад в Америке на конференции по посткризисным обществам в Средней Азии и на Кавказе.

Интересных вещей издается сейчас немало. Но опять-таки я говорю о Северном Кавказе. А в Закавказье, по правде говоря, мало, даже в Армении мало изда-

11 Абдулгамид Османович Булатов (р. 1964) — ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, доктор исторических наук.

12 Ирина Леонидовна Бабич — ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, доктор исторических наук.

13 Барасби Хачимович Бгажноков — доктор исторических наук, директор Кабардино-Балкарского республиканского института гуманитарных исследований.

14 Речь идет о «Фольклорно-этнографической энциклопедии осетинского народа», подготовленной по инициативе ведущего научного сотрудника отдела истории и этнографии Кавказа Северо-Осетинского института гуманитарных исследований доктора исторических наук Людвиг Чибирова (о Чибирове см. ниже).

15 Артур Аркадьевич Цуциев — старший научный сотрудник Центра социальных исследований Владикавказского института управления.

ются. Плохо финансируются Институт этнологии и этнографии и кафедра этнологии и этнографии Ереванского университета. Раньше самостоятельного института не было, но был Сардарабадский этнографический музей километрах в сорока от Еревана. Он существует именно как музей, потому что Сардарабад — это величественный мемориальный комплекс, там в 1918 году происходила ключевая битва за спасение Армении от турецкой оккупации. Это музей этнографический. Музей хороший, но его научные сотрудники — именно музейщики, и научно-исследовательской работы они, в общем-то, не ведут.

До смерти заведующего кафедрой этнографии, большого энтузиаста, большого ученого, Юрия Израеловича Мкртумяна¹⁶, моего соавтора по многим работам (некоторое время он был послом Армении в Российской Федерации, потом снова заведовал кафедрой), худо-бедно существовали кафедра и группа в Институте археологии и этнографии. Сейчас на объединенной кафедре археологии и этнографии преобладают археологи. В институте сменилось несколько директоров. Все хорошие люди, все археологи, и там преимущественно занимаются археологией, тем более что Армения — такой регион, где, куда ни ткни, обязательно обнаружишь какой-нибудь древний культурный памятник. Там есть два этнографических отдела, один древний и один современный. Современным руководит Левон Абрамян¹⁷ — талантливейший человек, не только как ученый, но и как художник и литератор. Вот они занимаются, я бы сказал, постмодернистской культурной антропологией современного города. Тематическую группу во втором отделе — отделе Вардуняна — курировал мой покойный друг Мкртумян. Сейчас им заведует Сурик Обосян¹⁸, этнограф-практик, который изучает такие вещи, как маслобойное дело, пчеловодство или земледелие, и делает это хорошо, но это конкретно-этнографическая проблематика. Недавно, еще когда Мкртумян был жив, отдел опубликовал исследование в нескольких томиках «Национальные меньшинства в Армении» (Мкртумян 2000). А какие в Армении национальные меньшинства?! 200 евреев, 40 немцев, 5000 курдов, 1200 греков, вот в таком духе, и то все эти меньшинства имеют явственную тенденцию к снижению численности. Курды — самое крупное меньшинство, притом что это курды-езиды, не мусульмане¹⁹. Но даже курды постепенно выезжают в Краснодарский край. Их туда не особенно и зовут, но они считают, что даже самый мелкий бизнес перспективнее вести в России, нежели в Армении. Те же, кто пасут овец, так и продолжают этим зани-

16 Юрий Израелович Мкртумян (1939–2005) — этнограф, заведующий кафедрой этнографии Ереванского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения (НАН РА), кандидат исторических наук, в 1994–1997 годах был послом Армении в России.

17 Левон Амаякович Абрамян (р. 1947) — заведующий отделением этнологии современности Института археологии и этнографии НАН РА, кандидат исторических наук.

18 Сурик Обосян (р. 1949) — заведующий отделом этнографии Института археологии и этнографии НАН РА, кандидат исторических наук.

19 Согласно последней переписи (2001 года), езидов в Армении было 40 620 человек, русских — 14 660, ассирийцев — 3409, украинцев — 1633, курдов — 1519, греков — 1176. Информация получена от Гаяне Шагоян.

маться, но и их число не возрастает, а скорее уменьшается — вместе с численностью овец, которых они пасут.

В Грузии больше. Но в Грузии постоянные пертурбации, ученые находятся в жутком положении. Их то финансируют, то не финансируют, то как-то разгоняют, то объединяют, то воссоздают. Про Азербайджан, как я вам уже говорил, я знаю примерно столько же, сколько про Марс.

А так исторически все-таки в нашем отделе занимались главным образом этнографией Северного Кавказа. Потому что считалось, и не без основания, что этнографией Грузии занимается большая, высокого уровня, со своей специфической методологией грузинская этнографическая школа, где соперничали Георгий Спиридонович Читая²⁰ и Алексей Робакидзе²¹ и их жены, которые были, возможно, еще более крупными этнографами, чем мужья²². Мужья пытались примириться друг с другом, но жены им каждый раз этого не позволяли. Потому и существовали две школы. Школа Читая, конечно, превалировала. В чем-то различия между ними не важны, они сводятся к чисто личным отношениям. Они провели довольно много исследований по этнографии Грузии, но почти все эти исследования опубликованы на грузинском языке. Поэтому даже московские ученые очень слабо с ними знакомы.

Считалось, что и в Армении есть своя этнографическая школа. Речь идет о Варде Арутюновиче Бдоян²³, который посвятил огромный том — главный труд своей жизни — армянским сельскохозяйственным орудиям (Бдоян 1966). Кроме этого он еще много чего писал по-армянски.

О нем могу даже рассказать вам анекдот. Бдоян приехал защищать диссертацию в Тбилиси. Текст ее был на армянском языке. Местные товарищи сначала встретили это в штыки и сказали: «Мы откажемся! Что за чертовщина, почему мы в Грузии должны читать диссертацию на армянском языке? Почему он не представил ее хотя бы на русском?» А директором Института истории и этнографии Грузии имени академика Ивана Джавахишвили был тогда Георгий Александрович Меликишвили²⁴. Академик же Джавахишвили²⁵ был не только грузиновед, он был крупнейший армянолог и древнеармянским языком владел не хуже, чем древнегрузинским. И вообще он был человек невероятно эрудированный. Так вот Георгий

20 Георгий Спиридонович Читая (1890–1986) — этнограф, доктор исторических наук, академик АН Грузинской ССР.

21 Алексей Иванович Робакидзе (1907–1990) — этнограф, доктор исторических наук, член-корреспондент АН Грузинской ССР.

22 Вера Варденовна Бардавелидзе (1909–1978) — этнограф и историк, доктор исторических наук. Русудан Харадзе (1909–1965) — этнограф, доктор исторических наук.

23 Вард Арутюнович Бдоян (1910–1986) — этнограф, доктор исторических наук.

24 Георгий Александрович Меликишвили (1918–2002) — историк, академик Академии наук Грузии, с 1965 по 1999 годы был директором Института истории Грузии.

25 Иван Александрович Джавахишвили (1876–1940) — историк, академик Академии наук СССР, основатель Тбилисского государственного университета и его первый ректор (1918–1926).

Александрович сказал: «Слушайте, наш институт носит имя Ивана Джавахишвили. Если мы откажемся читать диссертацию на том основании, что у нас никто не умеет читать по-армянски, это же будет позор на весь мир! Какое право мы тогда имеем носить имя Ивана Джавахишвили? Нет, мы примем эту диссертацию». И они ее приняли. Худо-бедно с чьей-то помощью прочитали, благо что в ней было много иллюстраций. Бдоян прекрасно защитил диссертацию, его поздравляли, был замечательный банкет, и все обошлось чудесно. Такой вот анекдотический случай. Здесь особенно характерны именно слова Георгия Александровича, директора, историка, хеттолога по образованию: если мы не умеем читать по-армянски, какое право мы имеем носить имя Ивана Джавахишвили?

Но это же указывает и на определенную деградацию. В первой половине XX века еще были люди, которые могли читать и по-армянски, и по-грузински, и по-турецки, а стало быть и по-азербайджански. А вот в послевоенное время таких людей уже практически не осталось. Очень обособились школы и очень замкнулись в себе. И если до Второй мировой войны эти школы, эти группы этнографов, археологов и историков имели теснейшие контакты с московскими и ленинградскими учеными, то после войны наступил период все большего национального обособления. Они замыкались в своих узких национальных рамках и в рамках своих языков, что, конечно, гибельно.

Мой хороший друг (а практически ко всем друзьям я сейчас вынужден прилагать эпитет «покойный», что естественно в мои 75 лет) Малхаз Григорьевич Абдушелишвили²⁶, блестящий антрополог, имевший авторитет в российских физико-антропологических кругах, вместе со мной и Валерием Павловичем Алексеевым²⁷ работал много сезонов в Индии. Мне с трудом удалось опубликовать очень маленьким тиражом какую-то итоговую книгу по этой работе. В нее вошло, может быть, пять процентов материала и результатов. Это связано еще и с индийской ситуацией, которая во многих отношениях хуже советской и постсоветской, что касается склок, чехарды директоров, финансирования институтов и так далее.

Так вот Малхаз написал книгу «Краниология» (Абдушелишвили 1976), прекрасную книгу, которую надо было публиковать не то что на русском, а на английском. Потому что в мировой литературе вот такого компендиума по краниологии, общего руководства по науке об изучении черепа человека, нет. Но ему в советское время просто не разрешили публиковать ее по-русски! Сказали: «Вы грузинский ученый, вы в Грузии работаете, это грузинский институт, извольте публиковать по-грузински». И он опубликовал ее по-грузински тиражом 2000 экземпляров, хотя достаточно было книг пяти или шести, потому что, кроме пяти-шести специалистов никто эту книгу не стал читать.

Или тот же самый Юрий Израелович Мкртумян. Я читал лекции в Ереванском университете как приглашенный профессор больше 30 лет — с 1972 по 2005 год.

26 Малхаз Григорьевич Абдушелишвили (1926–1998) — антрополог, академик Академии наук Грузии.

27 Валерий Павлович Алексеев (1929–1991) — антрополог и историк, академик Академии наук СССР.

Регулярно приезжал и читал какой-нибудь спецкурс или парочку спецкурсов. Как *visiting professor* я читал эти курсы по-русски. Армянским я владею, но не настолько, чтобы читать на нем лекции. В последнее время я видел, что студентам становится все труднее и труднее понимать мою русскую речь. Более того, если раньше я читал по-русски, и они всегда задавали вопросы по-русски, и дискуссия между студентами и профессором шла на русском языке, то сейчас я сталкиваюсь с тем, что они задают вопрос по-армянски. Я его понимаю, но отвечаю им по-русски, и если какой-то диалог возникает, то чаще всего он бывает двуязычным.

Юрий Мкртумян, конечно, прекрасно знал армянский язык и великолепно читал на нем лекции, так же как и два других известных армянских ученых-этнографа. В эту троицу входили Бдоян (старшее поколение — 1910 год рождения), Вардумян²⁸ (1923 года рождения) и Мкртумян (1938 года рождения). Я неоднократно был не только свидетелем, но и участником споров, когда Вардумян, Мкртумян и я обсуждали, каким армянским словом передать, допустим, такое слово, как «функционирование». Армянский язык исключает возможность²⁹ включения интернациональной лексики. Существует несколько исключений, но в основном интернациональная лексика передается армянскими корнями, поэтому, скажем, гидрография — это «*ĵragrut'yun*», — от «*ĵur*» (вода) и «*grel*» (писать). То есть это калька с греческого термина, но осуществляемая армянскими корнями, как это, впрочем, отчасти делалось и в старой немецкой литературе. Но вот вопрос — как перевести «функционирование»? Нельзя сказать, что это «действие» — такое армянское слово вполне существует. В итоге нашли глагол «*kirarkel*», который образует отглагольное существительное «*kirarkum*». Словом «*kirarkum*» и перевели слово «функционирование».

В грузинском языке легче. Грузинский язык позволяет просто сказать «функция», и этого будет достаточно. Чтобы сказать «функционировать», нужно все-таки придумать глагол. Ну, скажем, «что-то, опосредованное чем-то»: по-английски это будет *mediated* — кратко. По-немецки *vermittelt*. А по-грузински такого глагола нет. Вспомоществование или, скажем, посредничество будет «*meshveo-*

28 Дереник Суренович Вардумян (1923–2005) — этнограф, кандидат исторических наук, был основателем и заведующим отдела этнографии Института археологии и этнографии НАН РА в 1959–2005 годах.

29 Арутюнов несколько преувеличивает «исключительность» армянского языка. Армянский язык, как и любой другой, имеет большое число заимствований из других языков (особенно из греческого, средне- и новоперсидского, турецкого, русского, а сегодня — английского). Другое дело, что еще в V веке здесь возникла большая переводческая традиция, когда Месроп Маштоц (создатель армянского алфавита) и его ученики многие греческие слова стали переводить на армянский (по принципу кальки). Пуристы языка пытаются переводить на армянский и «кенгуру», и «компьютер», а сегодня и «дискурс», и много других слов, обозначающих новые для армянских реалий явления и понятия. Но это не означает, что язык имеет какие-то ограничения. В советское время очень много русских и латинских слов оказалось в словарях армянского языка. Правда, сегодня часть этих слов заново переводится, но не все переводы приживаются. Об армянском «лингвистическом национализме» и культе перевода можно прочесть в книге: Abrahamian 2006: 65–89.

bit». А значит, причастие будет «gameshveobitebuli», достаточно длинное слово, неуклюжее, непривычное, но понятное.

И вот Малхазу пришлось мучиться со всей этой интернациональной лексикой. К примеру, в таблицах написано *index orbitalis*. Но в тексте выражение «орбитный указатель» нужно перевести на грузинский язык. И таких слов — масса. Малхаз очень пыхтел, но сделал эту книгу — совершенно мартышкин труд, потому что, повторяю, ее с самого начала надо было издавать не по-грузински, а по-английски. Вот и существует книга «Краниология» на грузинском языке, равной которой нет ни на английском, ни на французском, ни на одном другом языке мира. Причем первоначально он писал ее на русском. Пришлось самому переводить ее на грузинский.

Тот же Мкртумян в Ереванском университете читал по-армянски. Так же, как Вардумян и Бдоян. Если нужна была какая-то новая лексика, новая фразеология, они ее создавали, хотя иногда вопрос перевода был спорный, сложный. Так развивались все языки Нового времени, с тех пор как латинский перестал быть единственным языком науки в Европе. Но вот Мкртумяну нужно было читать обзор или историю новейшей зарубежной или даже англосаксонской этнографии, специальный курс. И он обратился к ректору с просьбой разрешить ему читать этот курс на русском языке. Об английском речи нет, но вся литература, скажем, современная американская или британская этнография, представлены в обобщающих книгах, есть более частные работы, есть переводные работы всех этих авторов. Фразеология, терминология — все это существует в более или менее устоявшемся виде на русском, и все равно студентам так или иначе придется иметь дело с этой русскоязычной литературой, если они свои дипломные работы будут писать в этой области. Но ректор отказал. Он ему сказал: «У нас армянский университет!» Это было в сугубо советское время, где-то в середине 1980-х годов.

Так что, когда говорят о русификации и о русском засилье в советские времена, надо иметь в виду, что в республиках было точно такое же местное национальное засилье, где русский язык был дискриминируемым языком. Может быть, это в меньшей степени относится к Эстонии или Латвии. В меньшей степени это проявлялось и в Таджикистане, Кыргызстане и отчасти Азербайджане в силу малой разработанности местных языков и большого распространения русскоязычия. Но во всяком случае в Грузии и Армении было такое национальное засилье, что, повторяю, ректор мог запретить профессору читать лекции на русском языке. Я ничего другого и не ожидал, когда Юра сказал, что пойдет к ректору и будет просить читать курс по-русски. Я сказал: «Не разрешит тебе этого ректор». Так оно и вышло.

Уже в конце 1940-х годов дискриминация русских в Грузии выступала в очень отчетливой форме, а дискриминация армян была еще сильнее. Многие из моих одноклассников были детьми от смешанных браков. У кого отцы были грузины, у тех были грузинские фамилии, и никаких проблем не возникало. Мать могла быть еврейкой, гречанкой, ассирийкой, кем угодно. Это никого не интересовало, раз отец его был грузин и у него была грузинская фамилия. Он был грузин — всё. А вот у кого только матери были грузинки, те в школе носили отцовскую (армян-

скую или русскую, например) фамилию. Окончив школы, они вынуждены были переправлять свои аттестаты на фамилии своих матерей, чтобы, так сказать, числиться «паспортными» грузинами. И тогда уже они без проблем поступали в те вузы, в которые хотели поступать, и делали свою карьеру. А без этого их постарались бы провалить при поступлении или как-то перекрыть им дальнейшую карьеру. Не только детям с армянской или с еврейской фамилией, но и детям с русской фамилией ничуть не меньше.

А.Ф.: То есть в университете были квоты?

С.А.: Да, негласно это были даже не квоты, а такая позиция. «Это наш грузинский университет, и нечего здесь делать не грузинам!» Это было санкционировано ЦК компартии Грузии, конечно. Такие вещи без санкции ЦК не могли быть. И ЦК грузинской компартии давал на это санкцию с негласного потворства какого-нибудь Брежнева или Черненко. Тогда в партию очень неохотно принимали не грузин. Ну, русских еще кое-как. Армян с большим скрипом — им говорили: «А почему ты свою дурацкую армянскую фамилию не переделаешь на грузинскую? Тогда мы тебя и в партию примем, и карьера тебе будет открыта. А так тебе карьеры не будет». Конечно, верхушке, грузинскому истеблишменту, нужна была какая-то социальная опора. И эту социальную опору они находили в лице грузин-коммунистов, которым по барабану были коммунизм и идеи марксизма, но которые были заинтересованы в своей восходящей мобильности и уже тогда были спаяны этнической круговой порукой. А поскольку это обеспечивало определенную стабильность, то не вызывало возражений со стороны Кремля, со стороны Москвы.

Так что очень обособлены были национальные школы и в гуманитарной науке. Возьмите атлас или исторические карты по истории Закавказья, учебники по истории Грузии, Армении или Азербайджана. Если вы их положите рядом, то никогда не поймете, что эти книги написаны про одно и то же время и про одну и ту же территорию.

Так в течение всего послевоенного периода складывалась интеллектуальная жизнь и в Грузии, и в Армении, и в Азербайджане, хотя в Азербайджане не было столь устоявшейся традиции азербайджанского литературного языка. В этих условиях определенные тенденции во взглядах на историю, этнографию, этногенез все более и более вызревали в грузинской и армянской национальных исторических школах. И сегодня этот процесс только усилился. Если в советское время Москва еще выполняла какие-то модераторские функции (хотя бы с каких-то трибун коммунистические руководители говорили об историческом братстве грузинского, армянского и азербайджанского народов, хотя бы какие-то жесты делались для существования в Тбилиси, скажем, армянского театра, армянской газеты), то сейчас этого уже нет. Так что и эти школы существовали очень обособленно.

А.Ф.: А в межвоенный период тоже существовали такие тенденции? Какая тогда была ситуация?

С.А.: Тогда ситуация была такая: шел необычайно интенсивный выезд армян, в особенности армянской интеллигенции, из Грузии, прежде всего из Тбилиси и прежде всего в Ереван. И если вы возьмете сегодня ереванскую интеллигенцию, то обнаружите, что у половины из них родители или дедушки-бабушки родились

и начинали работать в Тбилиси, а потом переехали в Ереван. В межвоенное время еще были живы идеи пролетарского интернационализма, и тогда в Грузии еще была масса смешанных браков. Но уже начиналась этническая сепарация, выдавливание армян, причем «добровольное» — они уезжали из патриотических соображений и из соображений более быстрого карьерного роста. Правда, в межвоенное время армянину никоим образом не был заказан карьерный рост в Грузии, но уже тогда он знал, что, хотя в Тбилиси он с дискриминацией не столкнется, а если что, то она будет не очень существенная, зато в Армении ему будут обеспечены максимальные преференции.

А.Ф.: Тогда такой факт, как основание академий национальных республик³⁰ как раз в военное время, был одним из шагов по оформлению этих национальных элит?

С.А.: Да, конечно.

А.Ф.: Я бы хотел вернуться к тому, что в «Советской этнографии» в 1950-е годы было очень мало работ о Закавказье, всегда больше севером занимались. И интереса вроде не было — почему?

С.А.: Потому что считалось, что Закавказьем занимаются в Тбилиси и Ереване и нечего нам туда соваться, нечего нам с ними конкурировать.

А.Ф.: А потом эта ситуация изменилась? Мне показалось, что были некие всплески интереса к Кавказу. Например, в 1960-е годы был такой период, когда в журнале несколько возрос объем работ по Кавказу и стали публиковаться некоторые вещи, которые раньше нельзя было публиковать, например о репрессированных исследователях. И, кроме того, из года в год публиковались библиографии по кавказоведению. Они были, мне кажется, достаточно полные, чего я, конечно, не могу вполне оценить. Они включали работы не только на русском языке, но и на национальных языках, и небольшие аннотации, комментарии. То есть возник какой-то новый интерес к Кавказу? Как это можно объяснить?

С.А.: Я бы сказал, что некоторым потеплением, смягчением общеполитического климата и оттаиванием идеологического замораживания. В начале 1960-х годов просто интенсифицировались те небольшие связи, которые были, стало возможным говорить о каких-то вещах, о которых до этого говорить было нельзя, и люди этой ситуацией воспользовались.

Даже не в 1960-е, а скорее в 1970-е годы общая подвижность как-то усилилась, из кавказских республик стало приезжать больше людей в Ленинград и Москву на конференции. Тут еще важно то, что в 1964 году в Москве прошел Седьмой международный конгресс антропологов и этнологов. Поскольку это был международный конгресс, то, конечно, советское участие в нем было всесоюзным, то есть в Москву приехали делегации этнографов, антропологов с периферии, из национальных республик. Это был повод, так сказать, и хорошая финансовая возможность для того, чтобы приехать в Москву, познакомиться друг с другом ближе. И вот произошло такое массовое знакомство, что ли. И российские этнографы

30 Республиканская академия наук была учреждена в Грузии в 1941 году, в Армении — в 1943 году, в Азербайджане — в 1945 году.

впервые познакомились или углубили знакомства со своими грузинскими и армянскими коллегами, да и не только с ними. Общение шло как в залах конгресса, так и в кулуарах, и просто на квартирах, в домах у людей, более или менее знакомых. После этого связи несколько интенсифицировались и в 1970-е годы продолжали развиваться. Ну, скажем, в 1970-е годы я начал читать лекции в Ереванском университете и даже несколько раз читал в Тбилисском университете (правда, мало, как-то там меньше интереса проявили) и в Батуми. Просто мы ездили туда отдыхать, купаться, но, конечно, ходили и к знакомым, нас встречали, знакомились с нами и возникали какие-то дружеские отношения.

А что происходило в 1980-е годы, почему эти контакты начали спадать? Пожалуй, дело в том, что как раз в конце 1970-х, но особенно в начале 1980-х многие ученые старшего поколения ушли из жизни и их место заняли более молодые ученые, у которых таких наработанных контактов еще не было. В СССР последние годы Брежнева — это было время какого-то глубокого застоя,дохлое такое,гнилое время. И те контакты, которые успели расцвести, опять стали затухать: общая ситуация не очень способствовала их развитию.

А.Ф.: А в 1950–1960-е годы в институте появлялись, например, аспиранты из Закавказья? Была ли в этом какая-то динамика?

С.А.: Мало, мало. Армянские были, да. Грузинских практически не было. Один-два, которые были, так в институте и остались — Цулая³¹, например. Армянских же много — Амбарцум Галстян³², Харатян³³, Грануш Аракелян³⁴, они были и в Москве, и в Ленинграде. Это был конец 1970-х. Они были еще моими студентами, потом поступили в аспирантуру, но заканчивали ее у Токарева³⁵ в Москве, у Итса³⁶ в Ленинграде. Азербайджанские были, но мало. Все-таки преобладали люди с Северного Кавказа — дагестанских, кабардинских, осетинских аспирантов было очень много. А закавказских мало. Все-таки они и в аспирантуру шли в своих университетах. Не было особого смысла ехать в Москву, если с таким же успехом можно диссертацию написать и защитить (да и руководитель будет не хуже) у себя дома.

Но с армянами особая история, потому что и Вардумян, и Мкртумян не были докторами наук. Они так и не защитили докторских диссертаций, не было к этому

31 Гиви Васильевич Цулая (р. 1934) — этнограф, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, доктор исторических наук.

32 Амбарцум Пайлакович Галстян (1955–1994) — этнограф, политический и общественный деятель, в 1990–1992 годах был мэром Еревана.

33 Завен Ваганович Харатян (1952–1992) — этнограф, работал старшим научным сотрудником Института археологии и этнографии НАН РА, кандидат исторических наук.

34 Грануш Сергеевна Аракелян (р. 1952) — историк, этнограф, политический и общественный деятель, заведует кафедрой культурной антропологии и страноведения Ереванского государственного лингвистического университета им. В.Я. Брюсова, в 2004–2008 годах возглавляла Управление по вопросам нацменьшинств и религии аппарата правительства Армении, кандидат исторических наук.

35 Сергей Александрович Токарев (1899–1985) — этнограф и историк, доктор исторических наук.

36 Рудольф Фердинандович Итс (1928–1990) — этнограф, доктор исторических наук.

достаточных стимулов — им и так было хорошо. Именно этот формальный признак заставлял армянских аспирантов искать себе руководителей в Москве и Ленинграде. А в Грузии не было такой проблемы, там своих докторов было сколько угодно.

А.Ф.: То есть в Грузии этнографическая школа крупнее, чем в Армении?

С.А.: Да, несомненно.

А.Ф.: А в Москве отдел Кавказа вырос? И вообще интерес к Кавказу как-то менялся за это время? В свете событий последних лет сложно представить себе, что Кавказ может быть каким-то не очень важным, маргинальным регионом!

С.А.: Ну, сейчас для России Кавказ — это просто болевая точка. С одной стороны, интенсифицируются исследования по Кавказу, с другой стороны, есть тенденция как-то замалчивать их, заглаживать трудности. Но во всяком случае индифферентно к Закавказью сегодня в России относиться нельзя. А тогда основное внимание уделялось Северному Кавказу. Все-таки продолжали считать, что Грузия и Армения — это особый мир! И это действительно был особый мир, потому что там никогда не было такого «социализма», какой был в России — хоть поставь в кавычки, хоть нет. Если для России частное предпринимательство стало новшеством в годы перестройки, то там подспудно, подпольно оно всегда имело место. В России не продавались партбилеты, нельзя было вступить в партию, заплатив за это деньги. А в Грузии (думаю, отчасти и в Армении) основным путем вступления в партию была дача взятки какому-нибудь партийному функционеру. Там все было по-другому. Именно потому, что там все было по-другому, российские исследователи не очень туда и совались. Потому что они понимали, что там их встретят как чужих. Не очень-то их и пустят, не очень-то будут оказывать содействие.

Исключение представляет собой Люба Соловьева, которой это удалось — правда, уже в 1980-е годы, университет она окончила где-то к восьмидесятому году, но она туда еще студенткой ездила, как-то она там подружилась, и ее приняли как свою. Но вот недавно она выступила на конференции в Баку с докладом о взаимовлиянии грузинской и абхазской культур, после чего один из сотрудников Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа (это, кажется, был П.К. Квициния) прислал возмущенное письмо: мол, кто ты такая и какое ты имеешь право *высказываться* о грузино-абхазских культурных взаимоотношениях. Был большой скандал.

А.Ф.: Кстати, по поводу Абхазии. Я был поражен тем, что по Абхазии существует такая большая литература, которая очень выделяется на общем фоне. Были ли для этого какие-то особые причины?

С.А.: Да, существует особо большая литература по Абхазии, но если вы поднимете литературу по Аджарии, то увидите, что ее ничуть не меньше. Только литература по Аджарии будет на грузинском языке, а по Абхазии все-таки в основном на русском. Даже многие южно-осетинские авторы писали на грузинском языке. А абхазские все писали по-русски. И даже спорившие с ними грузинские ученые были вынуждены писать на русском языке, чтобы шла какая-то дискуссия. Поэтому вам и кажется, что по Абхазии такая огромная литература.

Но и по другим регионам Грузии она не меньше, просто она остается для вас недоступной, она нигде не всплывает, не фиксируется. А, между прочим, по Аджарии большие книги вышли, там работали главным образом Вахтанг Шамиладзе³⁷ и Неджад Чиджавадзе³⁸. Я думаю, что даже фамилия Чиджавадзе вам, наверное, неизвестна, а вот абхазские фамилии, видимо, все известны, потому что они все так или иначе попадают в русские источники. А Чиджавадзе писал по-грузински и ни в какие обзоры не попадал, хотя опубликовал в высшей степени интересные книги по сельскому хозяйству юго-западной Грузии, по традиционному субтропическому сельскому хозяйству (еще до появления, например, мандаринов). А Вахтанг Шамиладзе был до недавнего времени ректором университета и заведующим кафедрой в Батуми. У него есть работы и по-русски. Его основная специализация — это трансюмантное скотоводство. Трансюманс — это вертикальное кочевание — из низин в горы летом, из гор в низины зимой. Вот по этому трансюмансу у него книги, но они есть и по-русски. А Чиджавадзе жил, работал и издавался в Батуми. Естественно, он писал по-грузински и печатался по-грузински, и даже не в Тбилиси, а в Батуми. И не один он — мощная школа археологов есть в Аджарии, потому что там греческие колонии и очень интересные памятники, уникальные находки. Но это еще в каком-нибудь «Вестнике Эрмитажа» время от времени можно прочитать по-русски, поскольку находки эти были настолько уникальные, что они попадали в Эрмитаж вместе с публикациями о них. Этнография же не только изучалась, но и печаталась на месте. То, что печаталось в Сухуми, становилось известным, а то, что печаталось в Батуми, оставалось неизвестным.

То, что печаталось в Цхинвали, тоже оставалось в значительной степени неизвестным, потому что могло печататься по-осетински или по-грузински. А когда это проходило через Владикавказ, то очень часто не фиксировалось специально как южно-осетинское, как грузинское, но проходило под общеосетинской маркой, то есть шло по общему разряду Северного Кавказа. Так, скажем, работы Чибирова³⁹ в основном на югоосетинском материале и на русском языке. Он был, кстати, первым президентом Южной Осетии и занимал эту должность долгое время. Но он и прекрасный этнограф, живет во Владикавказе и занимается там изданием энциклопедии осетинской культуры. И все труды Чибирова проходят как осетинские труды, а стало быть, как труды по Северному Кавказу. Поэтому специфической литературы по Южной Осетии вы практически не найдете, потому, что писали это

37 Вахтанг Мамиевич Шамиладзе (р. 1935) — член-корреспондент Академии наук Грузии, доктор исторических наук, в 1983–2006 годах заведовал кафедрой этнографии Тбилисского государственного университета.

38 Неджад Шахбазович Чиджавадзе (1922–1999) — кандидат исторических наук, востоковед (специалист по Турции). С 1979 года руководил сектором в отделе исследования экономических и социальных проблем Аджарской АССР в Институте экономики и планирования народного хозяйства при Совете министров Грузинской ССР (Батуми).

39 Людвиг Алексеевич Чибиров (р. 1932) — ведущий научный сотрудник отдела истории и этнографии Кавказа Северо-Осетинского института гуманитарных исследований, доктор исторических наук, ректор Юго-Осетинского государственного университета, ранее первый президент Южной Осетии (1996–2001).

осетины об осетинах вообще и о южных осетинах в частности. Это не выделялось как часть грузинской этнографии. А если выделялось, то это было на грузинском языке, растворялось там и оставалось неизвестным на севере.

А.Ф.: Еще один вопрос. В советской этнографии после войны возник или усилился интерес к теме советского быта. Печатались работы о быте бакинского нефтяника, например, или о жизни горных селений. С одной стороны, это было инспирировано партией, решившей, что надо изучать советский быт, а не только древности. С другой стороны, когда этнографы начали серьезно изучать советский быт, могли возникнуть острые вопросы, могло получиться то, что партии совсем не хотелось получить. Как это сказывалось на изучении Кавказа?

С.А.: Это первоначально отрабатывалось на российском материале: писали про «жизнь села Вирятино» или «быт заводов Нижнего Тагила» или что-то в таком духе. С одной стороны, этого всегда требовали: надо заниматься современностью, надо изучать не только сельское, но и городское население, нужно изучать, как в сельском населении прорастают черты городской культуры. В принципе совершенно правильное требование, но поскольку обо всех негативных сторонах этого процесса, которых было чрезвычайно много, писать было нельзя, а можно было писать только о позитивных, которых не шибко много, то это направление исследований с самого начала было кастрировано. Потом, в перестроечное время, когда стало уже свободнее, появилось довольно много интересных работ. Но в те времена это находилось в таком зажатом состоянии: с одной стороны — обязательно надо, с другой стороны — никак нельзя. На Кавказ это пришло поздно и относительно мало, поскольку это трудно было делать и в центральной России. В самый конец советского времени мой аспирант Руслан Тазиев⁴⁰ из Нальчика писал про быт рабочих Тырныузского горного комбината. Это был самый конец 1980-х годов. Но таких работ в доперестроечное время совсем не было, а если они и были, то такие слабые, что там и говорить особенно не о чем. Да и в конце 1980-х таких работ было относительно немного. Тем более что на Кавказе хватало своей старины и архаики, которой можно было достаточно спокойно заниматься. О рабочих Рустави в Грузии что-то писалось, но не очень много. В какой-то степени вышеупомянутая «Культура жизнеобеспечения» содержит в себе попытку дать анализ быта армянского села на момент 1970-х годов. Вышла она в 1983 году, но материал собирался ранее.

А.Ф.: Вы тогда тоже столкнулись с такими проблемами в исследовании, или к тому времени уже можно было писать обо всем?

С.А.: О негативе писалось относительно мало. Но мы писали спокойно, потому что в это время армянское село переживало экономический подъем, это было достаточно хорошее время, тут у нас особых проблем не возникало. Мы писали о пище и жилище, питались в это время люди хорошо. И жилищное строительство на селе развертывалось очень интенсивно.

А.Ф.: А острыми могли быть какие вопросы? О религии, например? О чем нельзя было писать?

40 Руслан Тазиев — этнограф, сотрудник Кабардино-Балкарского республиканского института гуманитарных исследований.

С.А.: Ну мы их и не ставили. (Пауза) А религиозные вопросы...

А.Ф.: В работах того времени говорится о «символике».

С.А.: Да, да. Действительно, мы писали о символике, жертвоприношении, степени религиозности, так сказать, распространенности жертвоприношения и отношения к жертвоприношениям языческим в соотношении со степенью христианской религиозности населения. И мимоходом писали о множестве магических приемов, то есть о том, что имеет отношение не непосредственно к положению церкви, а к пережиткам языческих верований в современной жизни. Тут проблем идеологического контроля не возникало.

А.Ф.: А были такие темы, которыми вам по каким-то причинам не давали заниматься?

С.А.: Ну, вы знаете, мы все не дети, и мы, выбирая себе тему, соображали, что этим дадут заниматься, а этим не дадут. Сами, в общем-то, понимали, что такое-то дело скользкое и что лучше сегодня этого не касаться.

А.Ф.: Но это темы могли быть разные. Религия — это одно, а другое, скажем, темы, связанные с национальными меньшинствами в республиках.

С.А.: Темы, связанные с нацменьшинствами, — это уже этнополитология, ими начали заниматься позже. А межнациональные отношения — здесь было много приукрашивания, много скрывания материала. Например, когда мы (этнографическая экспедиция ереванского университета) в начале 1980-х проводили исследования в Армении, одновременно Арутюнян⁴¹ и Дробижева⁴² изучали там межнациональные отношения. И все у них получалось очень хорошо, потому что они изучили отношения армян, например, с греками или курдами, но совершенно не изучали основного — армяно-азербайджанских отношений, где картина была жуткая. Исходя из их публикации можно было подумать, что вообще азербайджанцев в Армении нет. О них не было сказано ни слова. А с греками, курдами и айсорами у армян были приличные отношения, поэтому можно было, не кривя душой, дать даже статистику позитивных отношений, например число смешанных браков. Если бы привели цифры по азербайджанцам, то там картина была бы жуткая.

А.Ф.: Они изначально решили не исследовать этот вопрос? Даже не проводили опросов?

С.А.: Не проводили. Они поняли, какие результаты они получат, поняли, что это никто не позволит опубликовать, потому и не ставили перед собой такой задачи.

А.Ф.: Вы знаете, конечно, книгу Шнирельмана «Быть аланами» (Шнирельман 2006)⁴³. Насколько, на ваш взгляд, были политизированы этнология и археология

41 Юрий Вартанович Арутюнян (р. 1929) — социолог, член-корреспондент РАН, заведующий отделом Института этнологии и антропологии РАН.

42 Леокадия Михайловна Дробижева (р. 1933) — социолог, главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор исторических наук.

43 Виктор Александрович Шнирельман (р. 1949) — главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, доктор исторических наук. Исследование посвящено алан-

в том смысле, в каком об этом пишет он? Насколько определялись этнографические изыскания, постановка вопросов какими-то конъюнктурными, национальными интересами?

С.А.: С точки зрения коммунистических властей, прежде всего нужно было славословие великому русскому народу, его благотворному влиянию на всех прочих и неувядающей и изначальной дружбе и единению между русскими и всеми неславянскими народами России. О трениях между разными народами, например между кабардинцами и балкарцами, конечно, тоже не рекомендовалось писать и говорить. Приведу конкретный пример.

В Осетии был такой первый секретарь Одинцов⁴⁴, присланный из Москвы и не имевший к Осетии в своей биографии ни малейшего отношения. Это было в конце 1970-х или, может быть, в начале 1980-х. Вышла во Владикавказе книга Владимира Кузнецова⁴⁵ под названием «История алан» (Кузнецов 1984). Кузнецов не этнограф, он историк, археолог, да и аланы — тема не этнографическая, строго говоря. Это медиевистика и археология средневековья. Кузнецов написал историю алан. Аланы были огромным этносом, который доходил до Испании и Северной Африки, оставил свои следы по всей Европе. Так же, как вестготы и остготы, они постепенно ассимилировались, сошли на нет. Но в какой-то момент вестготы и аланы были самыми мощными военно-политическими силами во всей Европе. Кузнецов обо всем этом написал. Осетины ужасно обрадовались: вот какие у нас замечательные предки! Они это и раньше знали, но тут особенно возгордились.

А этот Одинцов сказал: «Какие там к черту аланы! Вообще история Осетии начинается с 1917 года, когда советская власть принесла свет в эти темные ущелья. А до 1917 года никакой осетинской истории вообще не было, и просто осетины влачили жалкое существование. И никаких других точек зрения быть не может». И тираж этой, в общем-то, вполне безобидной и совсем не антисоветской книги (ну что там могло быть антисоветского в истории алан, которая к XIV веку вообще полностью закончилась?!) арестовали во Владикавказе, запретили ее продавать. Однако определенная часть тиража попала в Цхинвали, в Южную Осетию. Грузинские власти, в отличие от Одинцова, просто не обратили внимания на эту книгу. Она там свободно продавалась. И Цхинвали весь был завален телеграммами. Родственники, знакомые писали из Владикавказа — ради бога, купи за любые деньги нам эту книгу — «Историю алан»! Вот такая была анекдотическая ситуация.

Так что тут, как видите, не было общесоветской установки на историю алан. С одной стороны, был Одинцов, который усмотрел в трудах Кузнецова какую-то антисоветчину XIV века — наверное, кто-то ему «капнул», может быть, кто-то из лич-

ской идентичности и ее роли в этническом самосознании народов Северного Кавказа, в том числе в идеологиях этнополитических движений.

44 Владимир Евгеньевич Одинцов (1924–2009) — первый секретарь Северо-Осетинского областного комитета КПСС (1982–1988).

45 Владимир Александрович Кузнецов (р. 1927) — археолог, научный сотрудник Северо-Осетинского института истории, филологии и экономики, доктор исторических наук.

ных врагов Кузнецова. (Кстати сказать, сам Кузнецов выступает сейчас — и вы это могли прочесть у Шнирельмана — с очень правильных позиций, развенчивая все великоаланские фанатерии.) С другой стороны, были грузинские коммунистические власти, которые, будучи немного умнее, вообще таким вздором не сочли нужным заниматься. Не усмотрели в этом никакой идеологической диверсии.

А.Ф.: То есть был некий фактор риска, который невозможно оценить заранее?

С.А.: Можно сказать и так. Но люди, в общем, старались подстраховаться и очень часто перестраховывались. Самоцензура. А позже, в начале 1990-х годов, хлынул вал литературы, когда люди доставали из ящиков своих письменных столов рукописи и публиковали их, но из-за нехватки средств очень маленькими тиражами на очень плохой бумаге.

А.Ф.: Но все-таки в советское время были возможны какие-то исследовательские отклонения в ту или иную сторону от идеологической линии?

С.А.: Отклонения в ту или иную сторону были возможны в рамках этой линии. Ну, вот мы книгу написали, взяв сознательно такие безобидные вещи, как пища, жилище и поселение. Но и то структуру поселения взяли потому, что все тогда достаточно хорошо развивалось, никаких негативных моментов не было. Если бы мы включили туда религиозное поведение, то наверняка нам дали бы по башке. Но мы знали, что нам могут дать по башке, поэтому мы религиозного поведения туда не включили. Там упомянуты, правда, все религиозные праздники и обрядности по этим религиозным праздникам, но они даны чисто описательно, без упоминаний на то, какую они на данный момент играют роль.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арутюнов, С.А. и Э.С. Маркарян (отв. ред.) 1983. *Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурного исследования (на примере армянской сельской культуры)*. Ереван: Издательство АН Армянской ССР.
- Бдоян, Вард Арутинович. 1966. *Земледельческая культура в Армении. Диссертация на соискание степени доктора исторических наук*. Ереван: Институт археологии и этнографии АН Армянской ССР. [На армянском языке. Титульный лист — на русском].
- Кузнецов, В.А. *Очерки истории алан*. Орджоникидзе: Ир, 1984.
- Мкртумян, Ю. (ред.) 2000. *Национальные меньшинства Республики Армения сегодня*: В 2 т. Ереван: Гитутюн, 2000 (на армянском языке).
- Цуциев, Артур. 2006. *Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004)*. М.: Европа.
- Шнирельман В.А. 2006. *Быть аланами*. М.: Новое литературное обозрение.
- Abdushelishvili, Malkhaz. 1976. *Kraniologia*. Tbilisi: Ganatleba. [*Краниология*. На грузинском языке, послесловие на русском и английском языках].
- Abrahamian, L. 2005. *Armenian Identity in a Changing World*. Costa Mesa, CA: Mazda Publishers.
- Bdoyan, Vard. 1972. *Erkragortzakan mshakuite Hayastanum*. Erevan: Haykakan SSH GA Hratarakyutyun. [*Земледельческая культура Армении*].